

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15 Ноября № 22 1894 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С л о в о

въ день воспоминанія о чудесномъ спасеніи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Семейства Ихъ отъ смертной опасности 17 октября 1888 г. ¹⁾).

*„Велій Господь и хваленъ зъло,
и величію Его нѣсть конца. Родъ
и родъ восхвалятъ дѣла Твоя, и
силу Твою возвѣстятъ и чудеса
Твоя повѣдятъ“.* (Псал. 144, ст.
3—5).

Древній пророкъ и царь Давидъ ясно и твердо выражаетъ *увѣренность* свою, что дѣла *величія* и *всемогущества* Божія не ограничиваются какимъ-нибудь опредѣленнымъ періодомъ времени, не составляютъ достоянія *только* извѣстнаго потомства людей, живущихъ въ то или другое *опредѣленное* время, напротивъ, — *си дѣла*, какъ дѣла *силы Божіей*, по вѣрѣ пророка, будутъ передаваться изъ *„рода въ родъ“* безъ границъ во времени. Тысящелѣтній историческій опытъ жизни рода человѣческаго ясно показалъ и показываетъ, какъ *вѣрно* и *точно* сбывались и сбываютъ

¹⁾ Произнесено въ Троицкой церкви г. Екатеринослава.

ся приведенныя слова пророка. Грозныя и милостивыя дѣла Божіи, именуемыя *чудесами*, совершившіяся еще въ Ветхомъ Завѣтѣ и удаленныя отъ насъ цѣлыми тысящелѣтіями, — изгладились-ли изъ памяти современнаго потомства? — Нѣтъ, — не изгладились, да и не изгладятся, ибо они — *дѣла* — не *естественныя*, а *дѣла Божіи*, и потому-то о нихъ „родъ роду“ передаетъ *вѣсть и хвалу*. А Евангельскія *чудесныя дѣла* любвеобильнаго Страдальца — Господа нашего Иисуса Христа — не производятъ-ли и *теперь* на душу вѣрующаго глубоко потрясающаго впечатлѣнія, не поднимаютъ-ли *страждущую душу* изъ мрака грѣховнаго къ свѣту истинной и святой жизни? Кто не признаетъ, что сіи дѣла любви Божественной заключаютъ въ себѣ *вѣчную* жизнь? А *вѣчны* они *потому*, что ихъ творила *сила Божія*, а не *человѣческая*. Кому не извѣстно, какъ много, даже славныхъ, *человѣческихъ* дѣяній ушло въ безпредѣльное море *забвенія* и *тихо, покойно* потонуло въ грозной пучинѣ сего моря!

Что сказано о „*дѣлахъ Божіихъ*“, — не должно-ли сего самого сказать и о *многознаменательномъ* для всего міра вообще, и въ особенности для русскаго народа — *событіи*, совершившемся въ сей 17 день октября, 1888 года. Шесть лѣтъ назадъ тому, сіе *великое* для Россіи *событіе* всколыхнуло св. Русь, взволновало сердца и умы всѣхъ вѣрныхъ сыновъ нашего отечества, ибо *могущество и милость* Божіи въ семъ событіи проявились не въ *легкомъ* нѣжномъ *дыханіи вѣтерка*, какъ нѣкогда сила Божія проявлялась древнему пророку Или, а въ грозномъ величій — *громъ*, какъ на *Синаѣ древнемъ*. *Страшно*, но и *глубоко отрадно* сіе событіе! *Страшно и ужасно* оно по той опасности, какая грозила возлюбленному нашему Монарху и Его Августѣйшему Семейству, а *истинно, глубоко от-*

радно по безграничной любви Божіей къ Русскому народу и его Верховному Вождю, явленной въ спасеніи Государя отъ неминуемой смерти.—Протекло шесть лѣтъ, а дивное *событіе* все такъ же живо, какъ будто оно совершилось недѣлю, день тому назадъ. И въ сію минуту, при одномъ воспоминаніи объ этомъ чудномъ событіи, сердце русское трепетно бьется въ груди, душа содрогается отъ представленія гибели, какая носилась надъ священной главою Помазанника Божія; но съ другой стороны, православная Русь исполняется *благоговѣйнымъ трепетомъ* и чувствомъ *благодаренія* предъ *величіемъ, могуществомъ и милостію* Того, въ *Чьей* рукѣ „*сердце царево*“. И теперь въ чувствахъ благоговѣнія предъ неизреченнымъ милосердіемъ Божиимъ хочется возвѣщать другъ другу: „*возрадуемся и возвеселимся о Царь своемъ, ибо десницею сильною Господь спасъ Помазанника своего, отъ смерти искупилъ Его; гдѣ, смерть, твоя прѣ?*“ (Ос. 13, 14). Вѣка кануть въ вѣчность, но чудесное событіе—проявленіе всемогущей силы Божіей—въ памяти народной *никогда не изгладится*: „*родъ роду будетъ восхвалять дѣла Божіи и возвѣщать о Его могуществе... будутъ провозглашать память о великой благодати Божіей* (Пс. 144, 4, 6, 7).

Правосл. слух., Милосердый Господь, по своей благодати, далъ намъ—грѣшнымъ—быть свидѣтелями чудеснаго проявленія Его всемогущества, каковое, разительнымъ для всего міра образомъ, обнаружилось въ чудесномъ спасеніи отъ узы смерти нашего возлюбленнаго Государя. *Событіе это выдается* изъ ряда обыкновенныхъ явленій человѣческой жизни. Оно отмѣчено на скрижаляхъ сердца Русскаго народа, какъ событіе *глубоко знаменательное, истинно чудесное*. Итакъ, *въ чемъ же заключается внутренній смыслъ и значеніе сего событія? Что въ немъ поучительнаго и*

назидательнаго для насъ!—Остановимъ на сихъ вопросахъ наше вниманіе.

Вспоминая дивное событіе 17 октября, православное русское сердце *радуется и торжествуетъ*, ибо имѣетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что *вѣра* во всеильную *любовь* Божію еще не оскудѣла въ Русскомъ народѣ, и что милость Божія почиваетъ на семъ народѣ. Еще не до конца прогнѣвался на насъ Господь, еще милость Его пребываетъ на насъ, если Онъ являетъ намъ такія великія дѣла Своей благодати, какъ *чудесное спасеніе* нашего Монарха и Его семейства отъ видимой смерти. Истинно и непреложно, что *милость Божія безгранична и безпредѣльна*; она часто проявляется тамъ, гдѣ, по нашему скудному разумѣнію, ей и не слѣдовало-бы проявляться. Такъ, Господь, по своему любвеобилію, позволяетъ и солнцу свѣтитъ и благодатный дождь посылаетъ не только на *добрыхъ и вѣрующихъ*, но и на злыхъ и забывающихъ Его. Но *вѣра*, заповѣданная намъ нашимъ Спасителемъ, *вѣра* хотя бы въ маленькое „*горушное зерно*“—вотъ что болѣе всего подвигаетъ милосердіе Божіе на помощь человѣку и тѣмъ болѣе на *дѣла чудесныя и необычайныя*. Вспомнимъ жизнь Спасителя. Онъ, исцѣляя слѣпыхъ, врачуя больныхъ, воскрешая мертвыхъ, требуетъ прежде всего *вѣры и вѣры*. „По *вѣрѣ* будетъ вамъ“! Вотъ слова, которыми Господь оканчиваетъ свое милосердіе къ страждущимъ. И наоборотъ, гдѣ *нѣтъ вѣры*, тамъ и *чуда быть не можетъ*. Вспомнимъ жителей г. Назарета, которые желали видѣть отъ Христа Спасителя *чудо*. На это желаніе, вмѣсто *чуда*, Спаситель только указалъ своимъ соотчичамъ на историческіе примѣры о вдовѣ Сарептской и о Нееманѣ Сиріянинѣ, и этимъ указаніемъ ясно выразилъ мысль, что *чудо* дается Богомъ *только* людямъ *достойнымъ чуда*, людямъ *съ доброю душою* и чи-

стою *вторю* (Лук. 4, 23—27).—Какъ же намъ не радоваться и не торжествовать, когда мы *ясно* видимъ, что и въ наши дни явлено Господомъ *чудо* въ спасеніи нашего Государя и Его Августѣйшей Семьи отъ видимой смерти за ту *малую* искру *вторы*, которая горитъ благодатнымъ огнемъ въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ православной церкви? Правда, „*мудрость вѣка сего*“, способная указывать пятна и въ ясномъ солнцѣ, не оставляетъ своимъ вниманіемъ и *завѣтныхъ вѣрованій* нашихъ предковъ; она подкапывается подъ самыя основы сихъ вѣрованій, находитъ ихъ *дѣтскими—несовершенными*. На сіи замѣчанія *мудрыхъ „вѣка сего“*, истинные сыны церкви и отечества отвѣчаютъ: *вѣрно*,—не сіяетъ въ нашихъ сердцахъ *вѣра* лучезарнымъ свѣтомъ, какимъ блистала во времена *апостольства и мученичества*, но все-же мы *знаемъ, видимъ и твердо вѣримъ*, что Русскій народъ, при *дѣтской* простотѣ своей *вторы*, еще далекъ отъ того *забвенія Бога*, до котораго дошли *хвалящіеся* всею *мудростію*. И *простая, чистая*, повидимому, *дѣтская вѣра* св. Руси оправдала себя въ этомъ случаѣ достойнымъ образомъ. Какъ только пронеслись громовые раскаты 17 октября, вся многомилліонная Русь, какъ одинъ человекъ, стала раскапывать *завѣтные родники благочестія и вторы* своихъ предковъ, стала *безболзненно рождать то, что* давнымъ давно тайлось въ ея нѣдрахъ. И вотъ, въ память сего *великаго событія* устрояются многія тысячи *богато украшенныхъ иконъ*, созидаются *новые храмы, новые придѣлы и престолы*, новыя часовни и молитвенныя дома; пріобрѣтаются богатыя *принадлежности церковнаго богослуженія*, — драгоценныя *кресты*, богато украшенныя *Евангелія*, дорогія *облаченія* для священнослужителей и на св. престолѣ, *дарохранительницы, хоругви*, многовѣсныя *колокола*, вѣщающіе о пробудившихся

завѣтныхъ вѣрованіяхъ предковъ, и т. д., и т. д.—Истинно-назидательна сія яркая дѣйствительность; она достойна того, чтобы ее передавали изъ „рода въ родъ“; она составляетъ *нашу силу* и *нашу радость*, а для *хулителей протой, чистосердечной вѣры* народа является прямымъ обличеніемъ.

Нельзя *сугубо* не радоваться и тому, что не оскудѣлъ *здоровый, добрый* родникъ *благочестія и вѣры* и въ сердцѣ *не всеу* носящихъ имя *Благочестивѣйшихъ*—Государя и Государыни и Ихъ благовѣрнаго Семейства. Вспомнимъ глубоко трогательный моментъ событія 17-го октября: дыханіе смерти только что пронеслось надъ Августѣйшимъ семействомъ; оно еще не успѣло опомниться отъ ужаса, еще слышитъ стоны раненыхъ и умирающихъ; оно само нуждается во врачебной помощи. Но *сердце Цареве* исполнено Евангельской любви къ своимъ ближнимъ—вѣрноподданнымъ сынамъ отечества: Верховный Монархъ забываетъ и *ужасъ* грозившей опасности и усталость пути, а все свое любвеобильное сердце и мощь душевную отдаетъ на помощь ближнимъ. Глубоко умилительный моментъ, дающій трогательное назиданіе русской душѣ! Исполнивъ долгъ Евангельской любви къ ближнимъ, Верховный Вождь спѣшитъ съ чувствомъ благодаренія къ Тому, въ рукахъ Кого и жизнь и смерть, и погибель и избавленіе. Какъ не умиляться и не преклоняться предъ истиннымъ *храненіемъ вѣры* въ неоскудѣвающую помощь десницы Всевышняго. Сію *вѣру* трогательно обнаружилъ намъ Монархъ, за что къ Нему всецѣло могутъ быть отнесены слова царя Давида: *Яко на мя упова, избавлю и: покрою и, яко позна имя мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославлю его.* (Псал. 90, 14—16).

Итакъ, пусть знаютъ и *утѣшаются* вѣрные сыны пра-

вославної церкви и отечества, что святая Русь еще крѣпка своими нравственными силами, что въ ней еще тлѣть и горить искра заповѣданной Христомъ *вѣры*, что она могуча подь скипетромъ своего Благовѣрнаго Монарха. Если Богъ за Царя, то кто противъ Него?— „*Господи Вседержителю! смиренно молимся Тебѣ: сохрани-же подь кровомъ Твоея благодати Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Александровича; исполни Его днѣи и крѣпостію силъ, да совершитъ вся во славу Твою и во благо народа своего*“.—Аминь.

Священникъ *Димитрій Страховскій.*

Мареуша-сиротка.

(Разсказъ для народа).

(Окончаніе *).

II.

Не разъ Мареуша слышала отъ подругъ, что Харитонъ пригожій парень: красивъ, рослъ, работающъ, грамотенъ. Толки невольно заставили и ее самую ^{ее} взглянуть пытливо на Харитона, который и самъ старался показаться на глаза. Видимая скромность и показное вниманіе подѣйствовали на Мареушу; чистое и невинное ея сердце искало отклика, искало того, въ чемъ такъ сильно нуждалось. И полюбила Мареуша Харитона первою и невинною любовью. Замѣтивъ это, Харитонъ всѣ силы употребилъ, чтобы заловить въ свои сѣти Мареушу.

Не менѣе оказался бойкимъ и „батько“ Щетина. Онъ ясно доказалъ Тищенку, что онъ съ нимъ „ровна“: денегъ у него куры не клюютъ, почетъ отъ общества такой же, хозяйство стоитъ у него чуть ли не лучше:

— Что тебѣ? развѣ нами побрезгаешь? кажись, намъ должно породниться.

И Тищенко сдался: осенью, въ первыхъ числахъ ноября 187..., Мароуша изъ Незатѣйлевоу стала Щетининоу. Въ семьѣ Афанасія Щетины Мароушу на первыхъ порахъ обласкали: свекоръ обращался съ нею привѣтливо, кротко; свекровь больше молчала, но въ глазахъ ея Мароуша видѣла къ себѣ расположеніе, мужъ жалѣлъ.

¶ Наконецъ, — вздохнула Мароуша, — наступила для ~~нея~~^{мечта} настоящая жизнь: не будутъ, — думала она — помыкать мною, заживу на свободѣ, буду доброю женою, рачительною хозяйкою, отплачу во сто разъ этимъ добрымъ людямъ.”

Какъ же горько Мароуша ошиблась въ своихъ преждевременныхъ думкахъ! Не знала, бѣдняжка, что настоящее ея горе впереди. Не таковы были Щетины, какими представляла ихъ себѣ Мароуша. Афанасій Щетина, хотя и пожилой уже былъ мужчина, но полный силъ и здоровья. Станный это былъ человекъ. Въ немъ, строго говоря, жило и работало какъ бы два человекъ: одинъ, настоящій Афанасій, # ^и внутренній, былъ для дома, а другой # былъ для людей, для общества — внѣшній. Крутого нрава былъ въ домѣ Афанасій: у него никто не пикни, иначе разшибеть, и часто тяжелый кулакъ его хаживалъ по спинамъ домашнихъ. Жена у него — это раба: не разсуждай, слушай и исполняй всѣ его самыя дикіе капризы. Какъ она трепетала, когда Афанасій приходилъ пьянъ! Знала она, что не пройдетъ такъ, чтобы онъ не посамодурствовалъ.

— Эй, ты харя! — зареветъ бывало Афанасій, ввалясь въ хату, раздѣнь меня, посади меня! (Самъ же старается не сѣсть, и силится бѣдная женщина поднять его, изъ силъ выбивается. [абз])

— А обѣдъ слышь? вразъ чтобъ было! И она бѣжить, L adz.
какъ угорѣлая, къ печкѣ подать обѣдъ.

— Стой! куда ты, вѣдьма, бѣжишь?—вновь заоретъ Афанасій во весь духъ.

И ^{чтобы} вы думали? За 25 лѣтъ семейной жизни Афанасій превратилъ жену въ какую-то машину. Жалкое это было существо: когда-то здоровая, работающая женщина, теперь она ходила, какъ слѣпецъ, ~~впадала въ какую-то без-чувственную~~ и по нѣскольکو часовъ находилась въ оцѣненіи; только голосъ Афанасія могъ вызвать въ ней жизнь, и она начинала двигаться. Честолюбивъ былъ Афанасій: годы онъ помнилъ обиду и мстилъ ужасно обидчику. Любилъ онъ поѣсть хорошо и хорошій кусочекъ, ^{но} только ^{одинъ} самъ ^а не съ семьею; семья съ рабочими обѣдай, а ему подай отдѣльно да посытнѣе. Нельзя сказать, чтобы Афанасій былъ пьяница, но любилъ изрѣдка зайти въ шинокъ съ ровней себѣ поговорить, и, случалось, папивался. Супружеской честной жизни Афанасій не признавалъ ~~и любилъ удовлетворять свои грусныя похоти на сторонѣ~~. Сначала это ножомъ по сердцу рѣзало его бѣдную жену. Но не таковъ былъ Афанасій, чтобы могъ услышать стонъ и слезы жены: онъ такъ стумѣлъ ее пристращать, что въ концѣ концовъ она замолкла на ^всегда. Дѣтей Афанасій держалъ въ ежевыхъ рукахъ: они духу его боялись и ходили тише воды, ниже травы,—особенно дочка. Единственнаго же сына своего, Харитона, Афанасій, какъ говорятъ, отчасти баловалъ: потакалъ его капризамъ, не сдерживалъ бурной, развеселой удали его, и изъ Харитона готовился новый Афанасій. Молодымъ еще парнемъ онъ довольно надоѣлъ всѣмъ своими проказами, чванствомъ и прочими продѣлками; но въ хозяйствѣ Харитонъ все-таки былъ расторопнымъ и работающимъ малымъ.

Иное дѣло Афанасій Щетина на людяхъ: тутъ онъ степенный, разсудительный, даже, если хотите, стоворчивый человекъ. Нужна ли кому помощь, и, если Афанасій видѣлъ въ томъ расчетъ, сейчасъ же оказывалъ ее. Крѣпко умѣлъ Афанасій выгородить свои выгоды, но бойко, такъ что ни въ комъ не вызывалъ вражды, ненависти. Въ ладу жилъ съ духовными и слылъ вообще за человека порядочнаго, уважаемаго.—Вотъ межъ какихъ людей и въ какую семью судьбѣ угодно было бросить бѣдную Марфушу.

III.

Потянулись дни за днями Мареушиной замужней жизни въ домъ Щетины. Сначала она горячо принялась за хозяйство: всякая работа кипѣла въ ея рукахъ, проворно, весело она всюду спѣшила, радостно у ней было на душѣ. Да и чего же ей? всѣ къ ней, повидимому, добры, не кричатъ, жалѣютъ. Но скоро первое очарованіе Щетинами начало проходить. Чуткое сердце Мареуши какъ будто пророчило ей, что собираются грозныя тучи надъ ея недавнимъ счастьемъ: блеснетъ молнія, ударить могучій раскатъ грома, и оно, какъ мыльный пузырь, лопнетъ. Присмотрѣвшись къ людямъ, среди которыхъ она теперь жила, Мареуша поняла, что не все то золото, что блеститъ; веселые дни ея, дни радости, довольства смѣнились на дни мрачные, задумчивые, и на красивомъ ея лицѣ появились тоска и грусть. Сама честная, искренно полюбивъ Харитона, Мареуша сначала видѣла въ немъ хорошаго, добраго, честнаго и красиваго мужа. И какъ же она съ нимъ ласкова, внимательна! Пыль продуеть, гдѣ онъ хочетъ сѣсть, глазами полными любви проводить, куда онъ идетъ, принарядить его и сама любитъся.

Избалованный, самовольный, развращенный еще парнемъ, привыкшій къ разнымъ деревенскимъ похождениямъ и гру-

бый Харитонъ недолго сдерживался; скоро онъ развернулъ во всю ширь свою натуру. Безъ всякой причины придирался къ женѣ, давалъ ей разныя нехорошія влички, будто шутя, грубо обращался съ нею, требовалъ непрекословнаго повиновенія и, при малѣйшемъ со стороны Марѳуши возраженіи, такъ прикрикивалъ, что ее приводило въ ужасъ, и, трѣпещущая отъ страха, она умолкала.

Сперва поведеніе Харитона, какъ обухъ въ голову, поразило Марѳушу. Любящая, добрая она никакъ не могла думать, чтобы ея Харитонъ былъ такимъ.

— Это, Богъ дастъ, пройдетъ; что же дѣлать, если у него правъ такой! — достарѣеть, перемѣнится! — утѣшала себя Марѳуша.

А все-таки ныло ея любящее сердце, больно отзывалась всякая выходка Харитона въ невинной душѣ Марѳуши, но она рѣшила терпѣть и молчаливо терпѣла. Этобъ еще не бѣда, но Марѳушѣ пришлось собрать всѣ свои силы, чтобы переносить свалившееся на нее горе и ужаснѣйшую бѣду. Харитонъ въ послѣднее время совершенно сбился съ круга: сталъ запивать, заводить компаніи, отлучался изъ дому и ночи проводилъ неизвѣстно гдѣ. (Слухи упорно ходили объ его дурныхъ дѣлахъ, услужливыя кумушки шептали на ухо Марѳушѣ, но ей не хотѣлось вѣрить, она гнала прочь свои подозрѣнія, боясь роковой дѣйствительности какъ чего-то ужаснаго. Но скоро пришлось ей самой навѣрное узнать, гдѣ Харитонъ проводитъ ночи. Какая же тоска охватила ее, ходила она, какъ опущенная въ воду, думала, что съ ума сойдетъ. Невыносимо жгло что-то ея разбитое сердце, воплемъ она ежедневно рыдала о безвозвратномъ счастьѣ, не вытерпѣла и набросилась на Харитона, но онъ такъ неистово избилъ ее, что она слегла въ постель и три недѣли не поднималась.

Н. 2 П. =

14

Сначала
на м
Свои д
на сит
ведит
лѣта
конца

Кое-какъ оправившись, Мареуша не знала что дѣлать: уйти изъ этого дома, отъ этихъ, такъ безжалостно мучившихъ ее, людей? Уйти, — но куда? къ кому? къ скупымъ и суровымъ Тищенкамъ? Но развѣ они поймутъ ее, раздѣлять горе, пожалуй, побрянять еще:

— Что ты тамъ выдумала, глупая? на волю захотѣла, превередничаешь, ступай себѣ, — мы бѣглянкамъ потакать не станемъ.

И Сбѣжать безъ вѣсти? но какъ оставить дѣвочку + маленькую крошеу # а съ ней, вѣдь, нельзя, пожалуй, зата- скаешь еще, — умереть.

И Но что же дѣлать? думаетъ Мареуша, и трещить ей голова, а сердце такъ ноетъ, болитъ, такая тоска на душѣ, что, кажется, не жить бы на свѣтѣ.

Ничего новаго Мареуша не придумала, какъ рѣшила остаться на мѣстѣ и терпѣливо нести свое горе-горькое. А Харитонъ то покидалъ свои дурныя похождения, то вновь еще съ большими порывами отдавался имъ. Мареуша безучастно теперь смотрѣла на него. У ней есть новая привязанность — это ее маленькая дѣвочка, Мареуша отдала всю себя ей, нѣжно прижимала къ груди, ласкала, цѣловала, старалась вылить всю душу этому маленькому существу и подѣлиться своимъ тяжкимъ горемъ.

Странное дѣло! тяжелое, безысходное горе, хотя и поубавило у Мареуши здоровья, силы, но нисколько не повліяло на ее красоту. Грустно-печальное ее лицо, тихая и скромная поступь, вдумчивые, большіе голубые глаза, передернутые какъ бы слезою, дѣлали всю ее красивою, располагающею. Лица, подобныя Мареушѣ, у честныхъ людей вызываютъ уваженіе, привязанность и вообще доброе христіанское чувство.

Красота Мареуши навлекла на нее новую и тяжкую бѣду.

Прельстился этой красотой свекорь Марёуши — Афанасій Щетина. Молодость невѣстки манила ~~старого развратника~~ ^{его красоту} и вызывала въ немъ самыя гнусныя желанія. Но видно и у Афанасія гдѣ-то еще притаилась искорка совѣсти: онъ ~~не употребилъ силы~~ не воспользовался положеніемъ главы семьи, но повелъ дѣло хитро, исподоволь. Тутъ и разгадка тому, что непреклонно строгій въ семьѣ Афанасій смотрѣлъ на всѣ безобразія сына сквозь пальцы. Съ цѣлью онъ далъ ему волю, чтобы разладить Харитона съ женою, чтобы не было у него на дорогѣ любви Марёуши къ Харитону. Афанасій уже видѣлъ, что первый шагъ его удался, — счастье Марёуши разбито, она въ горѣ. А онъ такъ ласковъ съ нею, добръ: въ страдную пору Марёуша дома, ее жалѣютъ, даже на сына Афанасій иногда прикрикнетъ, чтобы не дурачился. И странно какъ-то все дѣла складываются: Харитонъ то въ поле ѣдетъ, то съ пшеницею въ городъ, то съ пашней въ степи возится, Афанасій же дома, Марёуша тоже — все выходитъ, что они двое. (Не добрыми глазами по-сматривалъ на Марёушу Афанасій, когда она подаетъ ему объѣдъ, сидитъ за столомъ.) Видитъ ясно Марёуша намѣренія свекра, краска стыда покрываетъ ее лице, отвратительнымъ онъ представляется ей, гадкимъ; и она поспѣшно уходитъ подъ какимъ-либо предлогомъ. Напрасно Афанасій пона-дѣялся на свои силы: ~~отчаяніе, отвращеніе къ позору на- столько придали Марёушѣ мужества,~~ ^{настойчиво ехалаетъ муш} что ее свекорь не только не успѣлъ въ постыдныхъ намѣреніяхъ, но и далъ ей самую страшную клятву оставить ее въ покоѣ. Однакожъ опасность для Марёуши не прошла.

Раздосадованный, задѣтый за живое неудачей, Афанасій затаилъ въ душѣ свои замыслы, боясь, что ~~какъ~~ и въ самомъ дѣлѣ Марёуша исполнитъ свою угрозу, — будетъ искать защиты у начальства, и ~~и~~ упадетъ же въ ее безтолковую го-

лову такая шальная мысль!" разсуждалъ Афанасій съ какою-то злобною усмѣшкою. Но онъ не отказался отъ этихъ замысловъ вполнѣ: страсть съѣдала его, и онъ рѣшилъ отъ гадкихъ своихъ намѣреній не отступать, предоставивъ дѣло времени.

Бѣдная, бѣдная Мареуша! Видно судьба собрала по свѣту величайшее море горя и свалила на твои женскія плечи и несчастную голову. ~~Приставанья и нахальныя заискиванья свекра~~ такъ ее разстроили, что она отбилась отъ пищи и дня съ три рыдма прорыдала. А сказать-то кому? у кого просить защиты? у мужа? но скромность, просто стыдливость женщины останавливаютъ ее. Новая печаль + тоска ложится на душу Мареушѣ, но терпѣливо она продолжаетъ тянуть свою злосчастную жизнь.

IV.

Мимо Благодатнаго съ западной стороны пролегаетъ большая столбовая дорога къ г. М... Не скажемъ, какъ теперь, но до постройки желѣзной дороги, по означенному пути непрерывно тянулись сотни и тысячи возовъ, нагруженныхъ зерномъ, къ г. М..., а оттуда возвращались или пустыми или съ кладью. Въ Благодатномъ не было стоянки для чумаковъ, какъ ихъ тамъ называли, но не рѣдко запоздалый чумакъ сворачивалъ съ дороги въ Благодатное и въ первой, попавшейся ему хатѣ, просился на отдыхъ и ночлегъ. Дворъ Афанасія Щетины прилегалъ болѣе прочихъ къ дорогѣ и часто у него ночевали люди изъ разныхъ близкихъ и отдаленныхъ селъ. Онъ съ удовольствіемъ пускалъ ночлежниковъ, — они забирали сѣно, овесъ, полову, давая не малыя выгоды Афанасію.

Какъ-то разъ, раннею осенью, вечеромъ вѣхалъ во дворъ Афанасія ночлежникъ. Это былъ житель села Ек..., отстоящаго отъ Благодатнаго верстъ на 30-ть. Звали его Нау-

момъ, а прозывали Хитрымъ. Наумъ вполне оправдывалъ свое прозвище: хитрый, ловкій это былъ человѣкъ, да къ тому еще немного грамотный и падкій на наживу. Въ с. Ек., Наумъ въ короткое время составилъ порядочное хозяйство и скопилъ хорошую толику денегъ. Хитрая его голова додумалась, что можно извлекать пользу изъ самаго святаго и драгоцѣннаго чувства въ человѣкѣ. Люди, думалъ онъ, любятъ вообще божественное и уважаютъ тѣхъ, кто благочестивъ, а иногда хоть только кажется такимъ. И вотъ Наумъ круто измѣнилъ свой образъ жизни. Одежду надѣлъ грязную, порванную, ходилъ босой, при встрѣчахъ всѣмъ низко и троекратно кланялся, въ шинокъ ни ногой, мяса не ѣлъ, постъ держалъ строгій, съ женою не жилъ. Все свободное время проводилъ за чтеніемъ книгъ и пѣніемъ духовныхъ пѣсней, въ церковь ходилъ для вида и, возводя очи въ гору, охалъ, вздыхалъ и будто молился. Поступая такъ, Наумъ слѣдовалъ примѣру знакомыхъ ему сектантовъ. Онъ видѣлъ, съ какимъ успѣхомъ сектанты пользуются показнымъ благочестіемъ и своимъ умомъ сообразилъ, оцѣнилъ значеніе этого средства и быстро приложилъ къ дѣлу. Невольно заинтересовались нѣкоторые жители Ек. жизнію Наума. Приходили къ нему послушать чтенія и пѣнія. Сначала, пока ни расположить къ себѣ своихъ посѣтителей, Наумъ читалъ какую-нибудь священную книгу безъ своихъ разъясненій и подучалъ подтягивать за собою пѣсни духовныя. Далѣе Наумъ сталъ смѣлѣе: предложилъ своимъ посѣтителямъ новую вѣру, находилъ, что православная вѣра несовершенна. настоящая будто бы вѣра—его вѣра. Она требуетъ, чтобы каждый жилъ по ученію Христа: постился, не ѣлъ мяса, не жилъ съ женою, не пилъ водки. Самое же главное: умерщвлялъ-бы свое тѣло, такъ какъ оно есть грѣхъ, въ немъ сидятъ страсти, чрезъ него только и не

можетъ вселиться въ насъ „Святый Духъ...“ Если мы умертвимъ тѣло, то „Духъ“ непременно войдетъ въ насъ, будетъ руководить нами и направлять на небо. Если же самъ „Свят. Духъ“ въ насъ, тогда зачѣмъ намъ храмы, священники, таинства: разъ „Святаго Духа“ вселишь въ себя, больше ничего и не требуется, „Онъ“ тебя и спасетъ. Вѣрующихъ въ новое ученіе Наума прибавлялось все болѣе и болѣе. Вышло, что „Святый Духъ“ прежде всего наиболѣе полюбилъ Наума и по нѣсколько разъ въ недѣлю вселялся въ него. Въ такомъ положеніи Наумъ говорилъ разныя непонятныя и темныя рѣчи, считавшіяся вѣрующими за пророчества, въ такомъ состояніи Наума признавали святымъ, спасеннымъ, касались его одежды и будто получали исцѣленія.

Не дешево несчастнымъ, такъ нагло обманываемымъ людямъ, стоили эти исцѣленія. Въ хату Наума въ благодарность тащили: муку, пшено, крупу, пшеницу и деньги.

Но не легко приходилось и Науму вселеніе въ себя „Святаго Духа“. Для сего онъ долженъ былъ, не спуская глазъ, по нѣсколько часовъ смотрѣть въ одну точку, особенно удачно выходило, если смотрѣть долго въ воду, затѣмъ дѣлать въ одномъ направленіи кругъ до тѣхъ поръ, пока голова совершенно закруживалась, всѣ предметы также кружились,—и онъ въ безсиліи падалъ. Поднятый онъ находился въ состояніи какого-то сильнѣйшаго, но несознаваемаго возбужденія—это и значило, что „Святый Духъ“ въ Наумѣ и онъ спасенъ. Впрочемъ Наумъ скоро же нашель болѣе удобнымъ для себя не доводить себя до такого экстагическаго состоянія и предоставлялъ другимъ—своимъ посѣтителямъ—испытывать его; онъ ловко морочилъ людей, показывалъ видъ только по началу, что „вкочиваетъ“ въ себя „Святаго Духа“; замѣтивъ же, что товарищи приходятъ къ

безсознательному состоянію, онъ быстро останавливалъ себя: и тогда онъ могъ направить братію къ тому, что считалъ полезнымъ и нужнымъ для себя.

По Наумовой вѣрѣ выходило, что весь толкъ въ „Святомъ Духѣ“. Вѣрующіе его, братья и сестры, такимъ образомъ лишались всѣхъ спасительныхъ средствъ, которыя такъ заботливо предлагаетъ православная церковь всѣмъ своимъ чадамъ. Покаянія не нужно, святаго таинства причащенія не нужно, таинствъ брака и елеосвященія тоже—все это у Наума замѣнено вселеніемъ „Святаго Духа“, который и спасаетъ. Сначала Наумъ только оказался спасеннымъ, но потомъ и братья и сестры были частенько въ состояніи спасенія.

Дѣло это происходило такъ. Въ ночное время тайно собирались къ Науму всѣ. Среди избы готовился большой перерѣзъ (шпалыкъ) полный воды, обвязывался онъ вокругъ бѣлымъ холстомъ. Накрестъ прикрѣплялись вверху перерѣза двѣ палочки, въ мѣстѣ соединенія которыхъ ставилась горящая свѣча. Не вдругъ Наумъ приступалъ, при приходѣ вѣрующихъ, къ „вкочиванію“ „Святаго Духа“. Сначала велось чтеніе съ его толкованіями, потомъ приступали къ пѣнію молитвъ, псалмъ духовныхъ. Возбудивъ свои чувства усиленнымъ пѣніемъ, быстро становились, взявшись за руки, вокругъ перерѣза и начинали двигаться въ одномъ направленіи, притоptyвая ногами и напѣвая. Чѣмъ дальше пѣніе усиливалось, движеніе ускорялось до бѣга. Отъ быстроты движенія головы закруживались, полнимался какой-то раздрающій душу, безсвязный и бессмысленный выкрикъ, и духовная братія валилась наземь, кто гдѣ попалъ и съ кѣмъ попало.

Видите, у Наума плотскихъ женъ не положено, а вселившійся „Духъ“ въ вѣрующаго самъ избираетъ каждому

духовную жену. Это избраніе и происходит, именно, въ то время, когда всѣ въ бессознательномъ и страшно возбужденномъ состояніи повалятся наземь въ темнотѣ. Тутъ начинается такая возмутительная возня, хрипота, охи, вздохи и крики раздирающіе душу, что сердце обливается кровію, совѣсть болѣзненно стыдится, глаза съ страшнымъ негодованіемъ взираютъ на эту свалку, перо же отказывается описывать это безчинство, это издѣвательство надъ святымъ и дорогимъ чувствомъ вѣры. Здѣсь ничто не пощажено: ни родство, ни супружеская честь, ни дѣвичья невинность, ни старость, — все убито, затоптано въ грязь. Нескоро спасенные приходятъ къ ясному сознанію, а придя къ нему, разбитые, опалѣлые поспѣшно расходятся по домамъ. Но хитрый Наумъ рѣдко въ свалкѣ бываетъ въ бессознательности: ему надо обьискать карманы, выбрать лакомые кусочки. Вотъ кто и каковъ былъ человекъ, захавшій къ Афанасію Щетинѣ.

Наумъ посѣтилъ Щетину не случайно, безъ всякой цѣли, и не затѣмъ, чтобы только выкормить скотину и переночевать.

Знавалъ онъ и раньше Афанасія, да и отъ другихъ слышалъ, что Щетина — крестьянинъ богатый, вліятельный, на совѣсть не особенно чуткій и вообще, по соображеніямъ Наума, подходящій вполне для его цѣлей человекъ. Вотъ почему Наумъ заѣзжаетъ къ Щетинѣ и, прикинувшись небожнымъ, кроткимъ, богобоязненнымъ святошею, залѣзаетъ ему въ душу. Далеко за полночь, а они ведутъ задумчивую бесѣду о спасеніи. Афанасій внимательно слушаетъ Наума, который внятно повѣствуетъ ему о своей вѣрѣ, о молитвенныхъ ночныхъ радѣніяхъ, о братіяхъ и сестрахъ, знакомитъ съ правилами и со всѣми особенностями своей новой вѣры, говоритъ Щетинѣ, что онъ большое благо приобрѣлъ-

бы для своей души на небѣ и столько же пользы, славы и чести здѣсь на землѣ, если бы захотѣлъ усвоить и принять вѣру Наума и научить ей другихъ. Особенно-же Щетинѣ понравилось въ вѣрѣ Наума то, что ~~единой плотской жены не положено ни для кого, а~~ „Духъ“, въ состояніи спасенія вѣрующаго, каждый разъ самъ избираетъ духовную жену.

За ночь Наумъ успѣлъ передать почти всю свою вѣру Афанасію. Этотъ подавалъ надежды, далъ слово попробовать спастись по вѣрѣ Наума, ласково обошелся съ нимъ, богато угостилъ Наума и просилъ навѣщать.

Въ три, въ четыре пріѣзда Наумъ сдружился съ Щетиною, который уже началъ жить такъ, какъ дѣлалъ то Наумъ.

Благодатовцы диву дивились:

— Наконецъ, нашъ старый Щетина опомнился, взялся за умъ, да и пора ему заглаживать грѣхи, умаялся, — пора за добрыя дѣла приниматься.

Такіе толки вызывалъ о себѣ Афанасій, прикидываясь святошею. Одно у него было горе: плохенько грамоту онъ зналъ, а вѣдь придется учить другихъ; но и тутъ Афанасій нашелся.

— Заручу сына, невѣстку — они у меня здорово грамотны — а на память свою я надѣюсь.

Надо же самому напередъ доподлинно разузнать, — что тамъ за братія у Наума? Ёдетъ Афанасій къ Науму нѣсколько разъ, но тотъ не посвящаетъ сначала во всѣ тайны вѣры. испытываетъ его. Но Щетина хитеръ: угождаетъ Науму и, посовѣтовавшись съ братією, сей рѣшаетъ вселить въ него „Святаго Духа“.

Вотъ это пришлось совершенно по нутру Афанасію и оказалось кстати въ обстоятельствахъ, о которыхъ рассказано выше.

Довольный и веселый возвратился Щетина изъ Ек... Принялъ на себя личину святоши и быстро, при помощи Наума, перенесъ гнилыя сѣмена его зѣры на новую благодатовскую почву. Афанасій умѣло вовлекъ въ число братіи своего сына, невѣстку и другихъ односельчанъ и сталъ ихъ, по примѣру Наума, учить и вселять въ нихъ „Свят. Духа“.

V.

Вѣрующую Марѳушу увлекла внѣшняя перемѣна свекра, мужа и другихъ благодатовцевъ, пошедшихъ за Щетиною. Богобоязненная душа Марѳуши по неопытности не находила ничего нехорошаго въ томъ, что люди свободное время отъ труда и праздники проводятъ такъ похристіански. Читаютъ священныя книги, поютъ молитвы, пѣсни духовныя, перестали пить водку, бросили брань, непрерывный постъ держать. И въ самомъ дѣлѣ, кто-бы сталъ чуждаться и сторониться отъ людей трезвыхъ, по виду благочестивыхъ и трудолюбивыхъ.

Не знала Марѳуша, что подъ наружною одеждою внутри часто скрываются ужасные замыслы, коварства и мерзости душевныя.

— Наконецъ Господь смиловался надъ нами, вразумилъ таки свекра, мужа, — можетъ быть теперь настанетъ лучшая жизнь, залѣчатся мои раны, станемъ жить мирно, дружно. Душа Марѳуши ожила, появились надежды, нерѣдко она участвуетъ въ собраніяхъ и отъ души поетъ молитвы и пѣсни духовныя. Ей такое прославленіе Бога нравится, и она все чаще и чаще примыкаетъ къ духовной братіи.

Афанасій замѣчаетъ это и понемногу своими рѣчами вытягиваетъ Марѳушу въ готовыя уже сѣти.

— Жилъ я, дѣти, скверно, нехорошо, жилъ такъ, какъ живутъ многіе православные, хитро повѣствуетъ Афанасій, но надоумилъ меня одинъ святой человѣкъ, видно Самъ

Богъ мнѣ его послалъ. „Перемѣни ты, говоритъ, жизнь: брось мясо, водку, жену, убивай въ тѣлѣ страсти, хвали Бога день и ночь въ чтеніяхъ и пѣніяхъ духовныхъ, и ты спасешься. „Святой Духъ“ войдетъ въ тебя, жить будетъ въ тебѣ и введетъ въ царство.

Какъ видите сами, послушалъ я добраго человѣка и теперь не рѣдко вотъ тутъ (указаніе на грудь) чувствую въ себѣ „Духа“. Того и вы, дѣти, достигнете, только слѣдуйте за мною. Не надо тутъ ни священника, ни таинствъ, нужно только приготовить мѣсто въ тѣлѣ нашемъ „Духу“.

Далѣе Афанасій знакомилъ подробно братію, какъ святой человѣкъ научилъ его вселять въ себя „Духа“, и какъ могутъ братья и сестры сдѣлать тоже.

— Какъ же это такъ, батюшка, робко обратилась Марюша къ свекру? вѣдь Святой Духъ, по ученію нашей вѣры, есть третье лице Пресвятыя Троицы, Онъ таковъ же Богъ, какъ Отецъ и Сынъ. Милость Его и сила дѣйствительно могутъ войти въ вѣрующаго, но для сего послѣдній долженъ очистить свою душу таинствами покаянія, святаго причащенія при молитвахъ лицъ на то поставленныхъ и освященныхъ: епископа и священника. Ибо въ евангеліи сказано: „ядый Мою плоть и пійи Мою кровь имать животъ вѣчный“. Вы же говорите, что это безнадобности, а въ школѣ, когда я была да и въ храмѣ отъ священника ничего подобнаго я не слыхала. Какъ же это такъ?

Не нашелся было сейчасъ Афанасій, что возразить дѣльному невѣсткѣ на ея правильное и христіанское заявленіе, но, прикинувшись тихою голубицею съ змѣинымъ жаломъ во рту, проговорилъ:

— Дитя мое! подожди, ты сама скоро узнаешь, что есть и между простыми людьми святыя, которымъ „Духъ“ открываетъ пути ко спасенію и далъ уже имъ инья средства на то.

— Зачѣмъ же имъ бросать православную вѣру? мнѣ всегда говорили, что внѣ православной вѣры и церкви, установленныхъ Спасителемъ, и безъ свят. таинствъ никто не спасется.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори ты мнѣ этого, дочка моя, есть святые люди: сама увидишь, уразумѣешь, если только тебя посѣтитъ „Духъ“. Афанасій умышленно прервалъ разговоръ, видя, что невѣстка можетъ его сбить и поставить предъ братією въ неловкое положеніе.

Темно предъугадывала Марѣуша что-то неладное въ вѣрѣ свекра, но внѣшняя, почти безукоризненная жизнь его и братіи увлекала ее и Марѣуша не отставала, продолжала участвовать въ собраніяхъ.

Афанасій, укрѣпивъ своихъ вѣрующихъ разнаго возраста и пола, тѣсно соединивъ ихъ, и надѣясь вполне на ихъ преданность, по примѣру Хитраго вселялъ въ себя и въ членовъ братіи „Святаго Духа“. Вселеніе „Духа“ у Щетины заканчивалось еще болѣе ужаснымъ и гнуснымъ грѣхомъ свальнымъ, чѣмъ на моленіяхъ и радѣніяхъ у Хитраго. Радѣнія Афанасій, чтобы лучше скрыть ихъ, перенесъ отъ себя въ избу другаго крестьянина вѣрнаго ему. Туда и собиралась братія спасаться.

Марѣуша у себя дома легко могла принимать участіе, знала и видѣла, что дѣлается. Теперь иное дѣло: отъ ней ушли, скрываются, считаютъ ее недостойною. Любопытство Марѣуши было затронуто, да и желаніе почитать хорошую книгу и поцѣть пѣсню духовную побуждало ее бывать на радѣніяхъ.

Предварительно Марѣуша спросила свекра:

— Можно сегодня побывать межъ братією?

— Можно, отвѣтилъ тотъ, я сегодня о тебѣ говорилъ съ вѣрующими; они было не желали допустить тебя, боясь, чтобы ты не насмѣялась надъ ними и не выдала-бы насъ, но я

уговорилъ ихъ, можешь приходить, заключилъ Афанасій, и какая-то дикая радость освѣтила его лице.

— Значить, можно мнѣ придти?

— Я же говорю, что приходи.

Придя на моленіе, Марѳуша ничего особеннаго не увидѣла, только бросилъ ей на глаза большой перерѣзь, съ горящею свѣчею посреди, и она подумала: для чего-бы это? и безотчетный страхъ пробѣжалъ по ней. Началось чтеніе, за нимъ крикливое и усиленное пѣніе, всѣ были взволнованы, разчувствованы.

Вдругъ быстро всѣ встали и, во мгновеніе ока, сдѣлавъ руки, образовали кругъ, двигаясь все быстрѣе, притоптывая ногами и выкрикивая пѣсни. Марѳуша, увлеченная мигомъ въ кругъ, сначала не могла понять въ чемъ суть и, какъ-бы оледенѣвъ, смотрѣла, но ее влекли, кружили. Черезъ 15, 20 минутъ сильно, сильно закруживается ея голова, въ глазахъ темно, вокругъ ходитъ-ходитъ все, мысли путаются, силы оставляютъ Марѳушу и въ безсознаніи она валится наземь. Кругомъ: стонъ, хриплый крикъ, вздохи, темнота. Слабо чувствуетъ Марѳуша, что ее чьи-то ~~сильные~~ руки тащатъ, вотъ положили; она хочетъ уйти, убѣжать, вырваться, но руки не двигаются, а голова болитъ, болитъ!

Оттого-ли, что не долго продолжалось круженіе, силы-ли были свѣжи у Марѳуши, она черезъ нѣсколько минутъ приходитъ въ себя и догадывается о всемъ. Опрометью выбѣгаетъ, спѣшитъ домой и, вбѣжавъ въ хату, падаетъ, глотая слезы.

— Боже! плачетъ она, какъ горько ее обманули, какъ зло посмѣялись надъ ея святымъ чувствомъ вѣры и чистотою! какой же это грѣхъ, стыдъ, позоръ! Охъ, не загладить ей этого грѣха во всю жизнь, бичуетъ себя бѣдная.

Виновника ^{Знаю} позора она знаетъ; стыдно, стыдно Марѳушѣ

смотрѣть въ глаза ему, мужу, дѣвочкѣ, а сердце такъ ноетъ, душа болить, страшно такъ, что, кажись, не глядѣлъ-бы на божій свѣтъ.

— Да что же это со мною сдѣлали? за что? за что же! отняли у меня все, сгубили меня. Нѣтъ, нѣтъ не могу, моя бѣдная крошка, смотрѣть тебѣ въ невинные глаза.

Рыданія, стыдъ, мученіе совѣсти, сожалѣніе ~~со~~ ~~потерянной чистоты~~ о разбитомъ счастіи крушатъ Марѳушу, сушатъ ее, убиваютъ здоровье и силы, — и это изодня въ день послѣ роковой ночи.

Бѣдная сирота, истерзанная горемъ всей жизни! ходишь ты уже уныло: ни одной звѣздочки свѣтлой впереди, ни одного теплаго сердца вблизи. которое-бы утѣшило, пожалѣло, пригрѣло. Истрадалась ты вся: ходишь, какъ тѣнь, ничего предъ собою не видя. Не горюй, надѣйся! святая мать церковь православная никого не забыла: подѣ кровь ея смѣло иди и въ горѣ своемъ найдешь утѣшеніе и спасеніе. Да и такъ церковь уже зреть твою чистоту и невинность, молится о тебѣ, молись и ты.

VI.

Тянутся дни жизни Марѳушиной, кажется ей, что годы уже прошли съ тѣхъ поръ, слаба она, лежитъ въ отчаяніи: ничто не мило. Мрачныя, грозныя тучи повисли надъ ней, разразится молнія, польетъ всеуносящій ливень и Марѳуши не станеть. Но бываетъ и иначе. Всплыветъ медленно солнышко ясное, освѣтитъ, разгонитъ тучи, привѣтливо глядитъ на усталого, прозябшаго и дряхлаго путника, пріятно согрѣвая и лаская его своими теплыми лучами, путникъ оживаетъ, бодрится и съ надеждой продолжаетъ путь къ пристани. Подобно сему и премилосердный Отецъ небесный зреть на созданіе свое и, видя, что ниспосланныя Имъ, по Его благости и воли, испытанія превышаютъ силы человѣка немедленно подаетъ помощь.

Какъ-то разъ весною ходили по Благодатному три человека: старикъ—іеромонахъ и два послушника, испрашивая подаваній на свой бѣдный монастырь. Старикъ зашелъ къ Щетинѣ въ домъ, перекрестился, предложилъ, что милость, пожертвовать, присѣлъ на лавку и началъ разговоръ съ Щитиною. Прислушивается—слышитъ замогильный и болѣзненный стонъ, доносящійся изъ другаго отдѣленія хаты.

— Кто это у васъ? заболѣлъ кто? или можетъ несчастье съ кѣмъ?

— Это невѣстка моя, отвѣтилъ Афанасій, давно мучается, надоѣла всѣмъ: все плачетъ, стонетъ, покоя недаетъ, хоть-бы прибралъ ее Богъ—житья черезъ нее нѣтъ.

— Можно мнѣ зайти къ ней?

— Заходите, батюшка, если желаете.

Батюшка вошелъ, тихо присѣлъ у постѣли Марѳуши и сталъ участливо и кротко смотрѣть ей въ глаза, говоря:

— Что, бѣдная, болѣешь? тяжело? Вѣрно и давненько уже болѣешь? что ты такъ безнадежно, печально смотришь? Послушай меня, старика, не входи въ отчаяніе—оно гибельно для души; отчаявшихся, неуповающихъ на милость Божию и церковь отвергаетъ. Если Отецъ небесный накажетъ кого, значить, онъ любить его. Я съ радостію принялъ-бы на себя бремя страданій и испытаній, если-бы Онъ благоволилъ послать ихъ мнѣ. Эта жизнь наша есть только одинъ мигъ, тамъ за гробомъ настоящая, длаящая вѣчно жизнь; о ней думай и молись. Вспомни многострадальнаго и многотерпѣливаго Іова, вспомни возлюбленнаго Сына Божіяго, Господа нашего Іисуса Христа, пригвожденнаго къ кресту за наши грѣхи и даровавшаго намъ жизнь и блаженство вѣчныя. Его били, зашали, оцетъ дали испить, терновъ вѣнецъ на главу надѣли, а Онъ, по любви къ намъ, терпѣлъ и даже молился за учителей своихъ. Я вижу, ты

мучишься, у тебя мысли путаются, горько тебѣ, бѣдная, но проси, молись и Господь успокоитъ тебя. Прости всѣмъ винны противъ тебя, сама кайся и вѣрь, что получишь облегченіе. Вотъ молитва—произноси ее всегда: „Господи! къ Тебѣ взываю; послѣши ко мнѣ, внемли голосу моленія моего, когда взываю къ Тебѣ. Да исправится молитва моя, какъ еиміамъ, предъ лице Твое, воздѣяніе рукъ моихъ, какъ жертва вечерняя. Положи, Господи, охрану устамъ моимъ, и огради двери устъ моихъ; не дай уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ вмѣстѣ съ людьми, дѣлающими беззаконіе, и да не вкушу я отъ сластей ихъ“. (Псал. 140).

Долго батюшка продолжалъ свою кроткую, полную любви рѣчь, Мареуша съ страдальческимъ лицомъ прислушивалась и мало по малу вникла въ смыслъ ея. Слезы облегченія полились у ней и въ душѣ распространялось какое-то тихое вѣяніе благоухающаго вѣтерка, успокоительное, пріятное. Мареуша зашептала холитву—воплъ плачущей души свыше услышанъ, ангель—хранитель посланъ. Мареуша схватила руку батюшки, поцѣловала ее, сказавъ: „спаси Богъ“. Батюшка, благословивъ ее, вышелъ. Мало прожила Мареуша послѣ сего, но послѣдніе дни ея были тихи, спокойны. Простила она все всѣмъ. Мужа и свекра умоляла бросить пагубную вѣру. Съ молитвою застывшею на блѣдныхъ устахъ, съ блаженною улыбкою въ лицѣ и съ примиренною чрезъ покаяніе и Св. Причащеніе совѣстью Мареуша отошла въ вѣчность, окончивъ здѣсь свою многострадальную жизнь.

Православный русскій народъ! ~~(къ тебѣ несалъ, къ тебѣ и послѣднее слово.)~~ Вдумайся въ жизнь Мареуши—сироты, вдумайся внимательно, переживи въ своемъ незлобивомъ сердцѣ ея горькую жизнь, въ распѣтѣ лѣтъ угасшую, оцѣни поправдѣ, честно своимъ разумомъ дѣянія и вѣру неза-

конныхъ и не признанныхъ учителей, имѣющихъ желаніе научить тебя спасенію. Прислушайся же и къ голосу церкви православной, отъ рожденія и до могилы сопровождающей и спасающей тебя молитвами и таинствами чрезъ законныхъ своихъ пастырей; и ~~я глубоко вѣрю, что сердце само тебѣ~~ *весь вселенскій соитиетъ* подскажетъ: гдѣ правда, а гдѣ ложь и выдумка.

Священникъ Соборной церкви г. Екатеринослава *Стефанъ Гладченко.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИВАНА КАРПОВИЧА ШКИТКО

(двѣ серебряныя медали).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написанія св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются добросовѣстно и аккуратно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, по Казанской ул., вблизи новаго базара, д. № 83, собств.

ИКОНОСТАСНОЕ

И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ИВАНА ЕФИМОВИЧА

ГЕТМАНА.

Принимаю по новѣйшимъ рисункамъ иконостасныя и кіотныя работы, украшеніе храмовъ анфрейной росписью, писаніе св. иконъ

въ греческомъ и византійскомъ стилѣ съ золотыми и пр. фонами
и подъ чеканку.

Мастерская находится въ сл. **Томаровкѣ**, Бѣлгородскаго
уѣзда, Курской губ.

МАГАЗИНЪ

ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА

ФОЛОМИНА

ВЪ КІЕВѢ,

уголь Александровской улицы, собственный домъ, противъ
магазина Сорокоумовскаго.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ.

Священ. облаченія, плащаницы, паникадилы, евангелія, кресты,
ковчеги, сосуды, дароносицы, ковши для теплоты. копія, муропо-
мазаницы, крестильницы, всенощныя блюда, кропила, вѣнцы вѣн-
чальные. воздухи, пасхальники, хоругви, кадилы, лампадки, став-
ники, купели, подсвѣчники, разн. образа въ ризахъ, парча и галунъ.

РАЗНЫЯ ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ И СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО.

НА ВСѢ ВЕЩИ ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖИВОПИСЦА

М А С Ю Т И Н А.

Принимаются заказы на всѣ церковныя работы, какъ-то: образа
для иконостасовъ съ живописными и золоченными фонами, рестав-
рація старыхъ иконъ, расписаніе церквей священноисторическою
живописью, устройство новыхъ иконостасовъ и перозолотку ста-
рыхъ, позолота главъ, крестовъ и проч.

Всѣ заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, иконы исполняются въ строгомъ византійскомъ стилѣ, вполне согласно правиламъ, нашей православной Церковію принятымъ.

Прошу обращаться съ заказами по слѣдующему адресу: въ г. Екатеринославъ, Троицкая ул. домъ Погуляева, живописцу Владиміру Родіоновичу Масютину.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1895 году.

„ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“ продолжено будетъ и въ 1895 г.

Содержаніе его будутъ составлять:

I. Поученія и бесѣды на текущіе воскресные и праздничные дни и на разные случаи, а также продолжены будутъ и бесѣды догматическія.—Въ видѣ особаго приложенія къ журналу въ наступающемъ году будутъ печататься: Вѣтхобогослужбныя чтенія на праздники Господни, Богородичны и Великихъ Святыхъ, съ особымъ счетомъ страницъ, чтобы въ концѣ года образовалась отдѣльная книжка,—каковыя Чтенія составлены примѣнительно къ пониманію простаго народа и будутъ разсылаться подписчикамъ, какъ и поученія, заблаговременно—къ тѣмъ днямъ, на которые назначаются.

II. Статьи по изъясненію св. Писанія.

III. Статьи, преимущественно въ формѣ бесѣдъ и разговоровъ, представляющія разборъ и обличеніе заблужденій неправомыслящихъ, особенно штундистовъ, и служащія къ охраненію и утвержденію православныхъ въ истинной вѣрѣ.

IV. Статьи объ истинахъ христіанской нравственности съ обличеніемъ современныхъ пороковъ,—о важнѣйшихъ церковныхъ обрядахъ, о подвигахъ св. угодниковъ Божіихъ и проявленіяхъ благодатной силы Божіей въ св. правосл. Церкви. Духовно-назидательные рассказы, повѣсти, стихотворенія. Общеполезныя свѣдѣнія.

V. Краткія бібліографіи и объявленія о болѣе важныхъ вновь выходящихъ книгахъ духовно-нравственнаго содержанія.

VI. Сверхъ того, по прежнему, отдѣльно отъ журнала, будутъ издаваться „Кіевскіе Листки“ религіозно-нравственнаго содержанія для чтенія народу, въ объемѣ четырехъ страницъ каждый, а также и небольшія книжки, такого же содержанія.

Цѣна годоваго изданія со всѣми приложеніями къ журналу 4 руб. съ перес. Требования на журналъ адресуются такъ: „Кіевъ, въ редакцію «Воскреснаго Чтенія» (Подоль, домъ Ильинской церкви, № 3)».

Редакторъ-Издатель Священникъ *Іоаннъ Богородицкій*.

Объ изданіи „СТРАННИКА“ въ 1895 году.
и при немъ

„Памятникъ древне-русской церковно-учительной литературы“.

Въ наступающемъ пятнадцатомъ году изданія подъ новой редакціей „Странникъ“ будетъ выходить по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ. Давая самый разнообразный матеріалъ по всѣмъ отдѣламъ богословскаго и богословски-философскаго, церковно-историческаго и духовнаго историко-литературнаго знанія, въ формѣ статей, общедоступныхъ по содержанию, „Странникъ“ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго начала поступленія его подъ новую редакцію, постоянно ставилъ и ставитъ своей главной задачей—„служить живымъ органомъ живаго русскаго духовенства и русскихъ живыхъ людей, быть выразителемъ ихъ думъ и волненій, заботъ и тревогъ, ихъ наблюденій и знаній“. Этой задачѣ журналъ останется неизмѣнно вѣренъ и въ наступающемъ новомъ году, прося своихъ читателей оказать ему посильное содѣйствіе и сочувствіе. Это послѣднее тѣмъ болѣе нужно редакціи „Странника“ въ виду предпринятаго ею новаго изданія при журналѣ, имѣющаго удовлетворить одной изъ насущныхъ потребностей нашего духовнаго просвѣщенія—изданія „Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы“.

Драгоценныя произведенія этого рода—наслѣдіе нашей священной и родной старины, имѣющія высокое значеніе и для современнаго религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія въ духѣ истинной Православной вѣры и народности,—или совсѣмъ еще остаются въ рукописяхъ старинныхъ библіотекъ или помѣщенны и разбросаны по такимъ рѣдкимъ, стариннымъ и дорогимъ изданіямъ, что рѣшительно недоступны никому изъ большинства читателей, даже и въ большихъ городахъ, не говоря уже о деревняхъ и селахъ. Мало того. Въ школахъ, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ семинаріяхъ и гимназіяхъ, гдѣ изучаются древняя русская исторія, исторія русской церкви и древне-русской церковной письменности, и тамъ заучиваются лишь имена древне-русскихъ знаменитѣйшихъ церковныхъ учителей, названія нѣкоторыхъ изъ ихъ произведеній, а этихъ произведеній—и сами наставники, и воспитанники или совсѣмъ не видятъ, или

только кое-что узнаютъ объ нихъ по отрывкамъ, помѣщаемымъ въ хрестоматіяхъ, потому что полныхъ текстовъ ихъ, хотя бы уже и обнародованныхъ, подъ руками ни имѣется и достать ихъ невозможно. Предпринимаемое нами изданіе „Древне-русскихъ церковно-учительныхъ памятниковъ“ и ставитъ своей задачей идти на встрѣчу этой насущной потребности нашихъ школъ и русскаго образованія вообще, а именно: собрать въ одномъ сборникѣ всѣ наилучшіе, выдающіеся по литературнымъ достоинствамъ или важные по своему церковно-историческому значенію памятники древне-русской письменности этого рода и сдѣлать ихъ возможно доступными для всѣхъ.

Кромѣ того, — издаваемые нами памятники, по своему истинно-церковному содержанію и изложенію таковы, что не только могутъ давать богатый матеріалъ для церковныхъ чтеній и собесѣдованій, но и прямо могутъ быть читаемы въ церкви (да они и читались въ церкви), въ школахъ и въ каждой русской семьѣ, сохранившей начала церковности и не порвавшей связей съ своимъ богатымъ свято-отеческой церковностію и учительностію прошлымъ. Не можемъ не замѣтить здѣсь, что многіе, изъ этихъ памятниковъ свято сохраняются отъ забвенія раскольниками, въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ, читаются и перечитываются ими, наши же православные простолюдины если инсгдѣ и узнаютъ что нибудь изъ нихъ, то единственно отъ тѣхъ же раскольниковъ. Понятно, какое значеніе можетъ имѣть предпринимаемое нами изданіе и въ этомъ отношеніи.

Изданіе будетъ выходить выпусками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ. Въ каждый выпускъ войдутъ нѣсколько писателей или нѣсколько отдѣльныхъ произведеній, принадлежащихъ различнымъ писателямъ. Памятники будутъ печататься или въ подлинныхъ текстахъ, гдѣ возможно тщательно свѣренныхъ съ ихъ рукописными оригиналами, или въ переводѣ, когда старинный языкъ издаваемого памятника представляетъ затрудненія для пониманія современныхъ читателей. Для каждаго изъ писателей будутъ даны обстоятельныя историко-литературныя характеристики, а для отдѣльныхъ памятниковъ — объяснительныя статьи, освѣщающія ихъ содержаніе и примѣчанія, для всесторонняго и наилучшаго уразумѣнія ихъ. Въ изданіи изъявили уже согласіе принять участіе нѣкоторые изъ извѣстныхъ у насъ знатковъ древне-русской церковной литературы, и притомъ молодыхъ, влѣбующихъ свѣжими и бодрими силами.

Знаемъ, что новое предпринимаемое нами изданіе представляетъ дѣло великой важности, но и великаго труда и отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе, въ надеждѣ на помощь Божию, на поддержку добрыхъ и просвѣщенныхъ людей и въ сознаніи всей важности, своевременности и неотложной необходимости этого дѣла, мы рѣшаемся, по крайней мѣрѣ, положить начало ему, а если будемъ имѣть успѣхъ, то и неуклонно поведемъ его впередъ и впередъ.

Первый выпускъ „Памятниковъ“ печатается и будетъ разосланъ подписавшимся на него (таковыхъ пока оказалось меньше 200) въ концѣ ноября и въ декабрѣ настоящаго года. Въ содержаніе его входятъ: Поученія Луки Жидята, преподоб. Ѳеодосія Печерскаго, митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго, съ примѣчаніями и объяснительными историко-литературными статьями И. Е. Есѣва, Ѳ. Г. Калугина, доцента Н. Е. Никольскаго и проф. А. И. Пономарева. Въ 1895 году, во второмъ выпускѣ „Памятниковъ“ будетъ помѣщенъ „Древне-русскій церковно-учительный Прологъ“—поученія изъ древняго славяно-русскаго Пролога, по рукописямъ (съ XII по XVI в.) и печатнымъ изданіямъ, подъ редакціей, съ примѣчаніями и объяснительной статьей проф. А. И. Пономарева.

Условія подписки на полученіе „Памятниковъ“: Для подписчиковъ „Странника“ цѣна каждаго выпуска ОДИНЪ рубль, такъ что желающіе получить первый выпускъ, выходящій въ 1894 г., доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ шурнала на 1894 г. ОДИНЪ руб. и платятъ вмѣстѣ съ журналомъ семь рублей (для заграничныхъ девять рублей), тоже и для подписчиковъ на 1895 годъ—СЕМЬ рублей, съ приложеніемъ „Памятниковъ“ и ШЕСТЬ рублей безъ оныхъ: для не-подписчиковъ на журналъ цѣна каждаго выпуска ДВА рубля.

Редакторъ-издатель: проф. А. Пономаревъ.

При семъ № разсылается листъ объявленій.

Редакторы: { Инспекторъ Семинаріи *Матвій Монастыревъ.*
И. д. Секретаря Консисторіи *Александръ Ванчаковъ.*

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 19 ноября 1894 г. Цензоръ, протоіерей
Петръ Катрановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово въ день воспоминанія о чудесномъ спасеніи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Семейства Ихъ отъ смертной опасности 17 октября 1888 г.; II. Мареуша-сиротка и III. Объявленія.